

Ночь стояла тихая, луна ярко сияла на редких звёздах.

Бай Лу лично провожал регента из дворца, а Янь Цинмо с мрачным лицом уносил с собой курильницу. Очевидно, он намеревался использовать её как неопровержимое доказательство для обвинения дома цензора.

Сын этого цензора не только сам лез в петлю, но и набрался дерзости оклеветать регента, выставив его главным зачинщиком. В таком случае, его смерть была лишь вопросом времени, и жалеть о нём никто не собирался. Что же касается самого регента, то он всегда поддерживал хорошие отношения с домом цензора, и теперь, чтобы отвести от себя любые подозрения, ему придётся лично контролировать ход дела и вынесение приговора.

Сюй Цяо, подперев тонким, бледным пальцем подбородок, невозмутимо прищурила свои прекрасные персиковые глаза. Она проводила взглядом удаляющийся паланкин регента и чуть склонила голову набок. Выпитое вино приятно туманило сознание, вызывая лёгкое опьянение.

Она едва заметно приоткрыла алые губы и тихо рассмеялась.

Тем временем паланкин регента уже двигался в сторону дома цензора. Лицо Янь Цинмо оставалось мрачным.

В нынешнем гареме Его Величества всё ещё не было ни одного наложника, и эти псы решили, что пришло их время. Они вообразили, будто, прибегнув к низким уловкам, смогут с лёгкостью взобраться на трон. Какие же они ничтожные глупцы.

Его пальцы, сжатые в кулак, не разжимались. В глубине тёмных глаз, спокойных и холодных, промелькнул острый, как лезвие, блеск. И всё же, несмотря на очевидность происходящего, его не покидало странное чувство, будто что-то здесь не так. Сын цензора, конечно, заслуживал смерти, будучи никчёмным и подлым человеком, но он ведь не мог не понимать, что пустая болтовня лишь ускорит его конец. Почему же он решился на столь отчаянную клевету в самый последний момент?

Янь Цинмо опустил взгляд, замолкнув. Его взор упал на кувшин с императорским вином внутри паланкина.

Похоже... всё именно так, как он и думал.

Он чуть не попался в ловушку этой девчонки Сюй Цяо. Тонкие губы регента изогнулись в холодной усмешке, в которой сквозила скрытая ирония. С тех пор как императрица взошла на престол, она становилась всё более искусной. Если бы не его врождённая осторожность, он бы уже давно стал игрушкой в её руках.

По правде говоря, это даже забавляло.

В эту ночь в Чжоучжоу поднялись ветры, предвещая беспокойное время. Однако в самом сердце императорского дворца, на ложе дракона, всевластная императрица по-прежнему безмятежно отдыхала.

От выпитого вина её прекрасное лицо постепенно окрашивалось в нежный розовый цвет лёгкого хмеля. Сюй Цяо лениво прикрыла глаза, как вдруг почувствовала, что на неё навалилась какая-то тяжесть. Холодное, влажное прикосновение настойчиво елозило по её шее.

Разбуженная этим неприятным ощущением, она с трудом разлепила веки. Перед её глазами предстали прекрасные, чистые лисьи глаза с густо подведёнными красными уголками, в которых пылало нескрываемое вожделение. Когда он снова несильно лизнул её в щеку, Сюй Цяо наконец пришла в себя.

Чёрт возьми, стража во дворце что, вымерла? Неужели они не видели, как этот здоровенный мужик пробрался из гостевого крыла и залез на ложе дракона?

Сюй Цяо сжала зубы, подняла спрятанную в рукаве трубку из тёплого нефрита и попыталась оттолкнуть его, но он даже не шелохнулся.

— Как ты здесь оказался? — её холодный голос, обычно не знавший колебаний, сейчас дрогнул.

Маленький лис, прищутив глаза, продолжал настойчиво тереться о её шею. Со стороны он казался таким послушным и невинным зверьком, но сейчас...

Сюэ Цяньцзуй в замешательстве поднял голову, и вожделение в его глазах стало лишь глубже. Встретившись с ней взглядом всего на мгновение, он снова склонился вниз. Его бледные тонкие губы скользнули по её лицу и коснулись прохладных уголков её рта.

— ... — Сюй Цяо с отвращением оттолкнула его голову.

Лис всё ещё лежал на ней, не желая отпускать. Его голос стал хриплым, низким и невнятным:

— Я скучал по тебе, сестрица.

<http://bllate.org/book/18905/1848461>